

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

DOI: 10.15593/perm.kipf/2021.3.01

УДК 17.023:2–428

НОРМАТИВНО-ЭТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЗОЛОТОГО ПРАВИЛА

Р.Г. Апресян

Институт философии РАН, Москва, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 22 июня 2021 г.
Принята: 14 сентября 2021 г.
Опубликована: 10 ноября 2021 г.

Ключевые слова:

Золотое правило, Талион, Заповедь любви, нормативная динамика, иудео-христианская традиция, Библия, нормативная этика, мораль.

АННОТАЦИЯ

В обыденном сознании Золотое правило существует в форме сентенций и разнообразных пословиц. Во многих культурных традициях это правило является частью институционализированных текстов и имеет определенный нормативный контекст. В статье Золотое правило рассматривается на частном примере иудео-христианской традиции (на материале книг Библии) в соотнесении с Талионом и Заповедью любви, по отношению к которым и проводится контекстуализация Золотого правила в три этапа. Во-первых, выделяются основные места в книгах Библии, в которых эти принципы сопоставляются и противопоставляются. В качестве таковых разбираются главным образом Лев. 19:18, 33–34, Мф. 6:37–38; 7:12; 22:40. Во-вторых, принимается во внимание, что нормативное содержание этих принципов, хотя они и выражены в строгих формулировках, внутренне динамично. При прояснении как нормативного контекста Золотого правила, так и содержания каждого из принципов необходимо учитывать их внутреннюю нормативную динамичность. Так, Талион, исторически возникший как принцип возмездия, ограничивающий размер наказания степенью причиненного вреда, со временем трансформируется в принцип компенсации, прежде всего денежной, а в более позднюю эпоху ранними христианскими авторами переосмысливается как принцип, предохраняющий от причинения другому вреда. Заповедь любви к ближнему охватывает спектр требований от любви к ближнему как близкому через любовь к ближнему, который считается чужим, к любви к ближнему, который актуально является врагом. Нормативная динамика Золотого правила прослеживается в двух его формулах – негативной и позитивной. При этом нужно учитывать и примеры мышления в духе Золотого правила, которые встречаются в самых древних книгах Библии. В-третьих, три принципа сравниваются по своим императивным характеристикам по ряду параметров, в соотнесении с которыми обнаруживаются сходства и различия между ними в разных конфигурациях.

© ПНИПУ

© **Апресян Рубен Грантович** – доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник, руководитель сектора этики, e-mail: apressyan@iph.ras.ru,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2473-3909>

© **Ruben G. Apressyan** – Doctor of Science (Philosophy), Professor,
Chief Researcher, Head of the Ethics Sector, e-mail: apressyan@iph.ras.ru,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2473-3909>

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

THE NORMATIVE-ETHICAL CONTEXT OF THE GOLDEN RULE

Ruben G. Апресян

Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 21 July 2021
Accepted: 08 September 2021
Published: 10 November 2021

Keywords:

the Golden Rule, Lex Talionis, Commandment of Love, normative dynamics, Judeo-Christian tradition, the Bible, normative ethics, morality.

ABSTRACT

According to common understanding, the Golden Rule exists in a form of maxims and various proverbs. However, in many cultural traditions, this rule is present as part of institutionalized texts and has a specific normative context. The article proposes an account of the Golden Rule within a particular example of the Judeo-Christian tradition (based on a study of the Bible books), in relation to the Lex Talionis and the Commandment of Love, in respect to what the Golden Rule is contextualized, in three stages. Firstly, the main passages, in which these principles are compared and contrasted have been selected in the books of the Bible. Such are the following: Lev. 19.18, 33–34, Matt. 6.37–38; 7.12; 22.40. Secondly, it has been taken into account that the normative content of these principles, although they are expressed in strict formulations, is internally dynamic. When clarifying both the normative context of the Golden Rule and the content of each of the principles, it is necessary to take into account their internal normative dynamism. Thus, Talion, which historically arose as a principle of retribution, limiting the amount of punishment to the degree of harm caused, eventually transformed into a principle of compensation, primarily monetary, and in a later era, early Christian authors reinterpreted it as a principle that admonishes against causing harm to anyone. The Commandment of Love for one's neighbor covers the spectrum of demands from love for one's neighbor as a close one through love for one's neighbor, who is considered a stranger, to love for a neighbor, who is actually a foe. The normative dynamics of the Golden Rule can be traced in its two formulas – negative and positive. At the same time, it is necessary to take into account the examples of thinking in the spirit of the Golden Rule, which are found in the oldest Bible books. Thirdly, the three principles are compared in their imperative characteristics by a number of parameters, regarding which similarities and differences between them are presented in different configurations.

© PNRPU

Метафорический эпитет «золотой» в названии морального правила «[Не] поступайте по отношению к другим так, как вы [не] хотели бы, чтобы другие поступали по отношению к вам» отражает понимание основополагающего значения этого правила для взаимоотношений между людьми¹. Известно, что в различных формах оно присутствует во всех культурных традициях [1, 2], что позволяет рассматривать его как одно из нормативных отражений социальной природы человека. Формула и смысл Золотого правила давно разошлись по пословицам, стали элементом фольклора, расхожей житейской мудростью. Широкая известность нормативного содержания правила (далеко не всегда соединяемого в народном сознании с его названием) порой оборачивается тем, что оно воспринимается как «тривиальное» [3, с. 171]. Кажущаяся самоочевидность Золотого правила оказывается преградой для понимания его ценностно-нормативного своеобразия, его смысла и действительного места в контексте морали. Речь может идти даже о *контекстах* морали, поскольку по-разному поставленные исследовательские задачи по экспликации значения Золотого правила могут проецировать внимание на разные участки архитектоники морали.

Возможность разных контекстов

Литература, посвященная феномену Золотого правила морали, значительна. В количественном отношении она не беспредельна и вполне поддается обзору, но библиография Зо-

¹В конце XIX века в США возникло гражданское движение по наполнению Золотого правила конкретным практическим содержанием и повышению его действенности в социальной жизни [Уотлз, с. 176–189]. Золотое правило стало применяться к различным сферам деятельности – бизнесу, международным отношениям, политике, образованию и т.д., что можно рассматривать как особенное проявление общественного внимания к этическим аспектам практической деятельности. Литература, отражающая этот поворот общественного внимания, значительна и насчитывает десятки названий.

лотого правила исчисляется десятками книг и сотен статей, не считая фрагментов, нередко пространных, в обсуждении смежных тем².

Появление понятия «Золотое правило» в XVII веке в трудах английских богословов [4, с. 151–155; 5, р. 1531; 6, р. 516–533] и немецких правоведов [7, S. 162–164] отвечало потребностям развития моральной рефлексии, нормативной и теоретической. К тому времени идея Золотого правила уже была достаточно проработана в моральной философии и теологии, но ее терминологическое закрепление (не сразу получившее признание и распространение) по-своему способствовало стимулированию исследовательского внимания к ней. В XVIII–XIX веках нормативная формула Золотого правила и идеи в духе Золотого правила³ затрагивались и анализировались многими авторами. Но лишь в начале XX века начинают появляться работы, авторы которых специально обращаются к феномену Золотого правила⁴ и с каждым десятилетием их число увеличивалось.

В 1948 году выходит в свет обобщающая по своему характеру статья немецкого философа Ганса Райнера «Золотое правило: значение фундаментальной моральной формулы человечества» [11], в которой не только показано место Золотого правила в моральном сознании и в моральной философии, но и проанализирован его философский и нормативный контекст. Райнер был убежден, что важная задача при прояснении смысла и практического значения Золотого правила заключается в установлении его нормативного своеобразия: во-первых, его общих и отличительных черт в сравнении с другими, родственными ему и схожими с ним (в некоторых случаях только внешне) нормативными формами, во-вторых, особенностей его различных версий: с одной стороны, негативной и позитивной формул, а с другой – формул, отражающих разные конфигурации интерагентных отношений (при прямой, опосредованной или обобщенной взаимности, равенстве или неравенстве коммуницирующих агентов, в условиях «завесы неведения» или открытости взаимоотношений и т.д.), в-третьих – нормативного содержания, предполагаемого Золотым правилом, обнаруживаемого в нем на основе анализа коммуникативных и психологических характеристик его практического применения. Вторая и третья части рассмотрения Райнера, представляющие несомненный интерес, выходят за рамки обозначенной в названии данной статьи темы, а первая заслуживает внимания. Для достижения точного понимания Золотого правила Райнер проводит его отделение от трех принципов столь же общих, что и Золотое правило, и довольно близких ему по своему содержанию. Это – *принцип возмездия*, «механика» действия, которого заключается в том, что стандарт поведения определяется не деятелем, а действиями других по отношению к нему (по сути, здесь речь идет о принципе Талиона), *принцип подражания*, в соответствии с которым деятель действует так, как действуют окружающие, и *принцип исполнительности*, в соответствии с которым деятель в выборе своих поступков полностью исходит из требований других [11, S. 80–81].

Нормативный контекст Золотого правила очерчивается Райнером посредством выделения столь же общих принципов поведения, что Золотое правило, но предполагающих иной тип мотивации к поступкам и иные критерии их оценки. С философско-этической точки зрения это вполне оправданный подход, учитывающий моральную атрибуцию Золотого правила и, соответственно, направленный на выделение его специфичности в качестве принципа мо-

²Качественная структура этих исследований и их динамика заслуживают отдельного рассмотрения, в частности, с учетом того, что речь идет о «золотом», т.е. основополагающем правиле (точнее, *принципе*) морали. Отдельный интерес представляет и хронологический ритм этих исследований.

³О мышлении в духе Золотого правила (см.: [4, с. 94, 97]). Об аргументации по типу Золотого правила (см.: [8, р. 54–55]); о предписаниях в стиле Золотого правила (см.: [9, р. 157]).

⁴Исключение составляет трактат английского богослова Бенджамина Кэмфильда (1638–1693) с красноречивым названием: «Полезное исследование всеобъемлющего правила праведности: “Поступай, как ты хотел бы, чтобы поступали по отношению к тебе”, данного в Мф. 7:12» [10].

рали, в отличие от других принципов, столь же общих, но активизирующих неморальные основания поведения. В качестве морального Золотое правило характеризуется тем, что выступает как правило эмпатии, правило автономии и правило взаимности [11, S. 82–102]. Близким путем идут современный французский исследователь Золотого правила, автор монументального труда, посвященного этому феномену, Оливер Дю Рой, раскрывая нормативно-этическое содержание Золотого правила через правила эмпатии, равенства и взаимности [6], и современный немецкий исследователь, последователь Райнера Хейко Шульц [12].

Нормативная контекстуализация Золотого правила может проводиться по разным основаниям. В частности, могут приниматься во внимание различные культурные традиции, в рамках которых Золотое правило исторически формировалось. В этом отношении иудео-христианская традиция отличается от египетской, ассирийской, греко-римской, индийской, китайской традиций, с первыми тремя из них она была более или менее исторически связана. Логика и психология Золотого правила одинаковы во всех традициях и в этом смысле универсальны: правило ориентирует человека на Другого, стимулирует человека поставить себя на место Другого, понять Другого, как самого себя. При этом данные задачи могут по-разному осмысляться и обосновываться, сопрягаться с различными другими мотивационными и ценностно-императивными задачами. Не говоря о различиях в степени рефлексии этих задач и связанного с ними коммуникативного опыта.

Как можно видеть по литературе, в истории исследований Золотого правила, которые проводились по преимуществу, если не исключительно, западными исследователями, доминировала тенденция обобщающего осмысления различных культурных традиций, во многом опосредованного удивлением европейского интеллектуала фактом наличия «закона Иисуса» (в той или иной формулировке) даже в самых далеких от христианства традициях⁵. И, наоборот, культурно обусловленным *отличиям* не уделялось достаточного внимания.

В данной статье предпринимается попытка нормативной контекстуализации Золотого правила в иудео-христианской традиции. Особенность последней состоит в том, что Золотое правило присутствует в ней в разнообразном сопряжении с другими важнейшими принципами⁶ – законом Талиона и Заповедью любви. Это сопряжение просматривается в схожих формулировках, во встречающихся общих или перекликающихся контекстах, в сходстве логики этих принципов, в прямом их соотношении и подразумеваемой соотнесенности между ними в книгах Библии и т.д. Оно подкрепляется опытом осмысления принципов – один через другие – в истории моральной философии и теологии и в специальных исследованиях, как это можно видеть на протяжении последнего столетия.

Локусы сопряжения принципов

Основные места в книгах Библии, в которых прослеживается сопоставление и противопоставление обсуждаемых принципов, хорошо известны.

Талион и Заповедь любви к ближнему прямо противопоставлены в одном из стихов книги Левит: «Не мсти и злобы не таи ни к кому из сынов народа твоего. Люби ближнего своего, как самого себя» (Лев. 19:18⁷). Мечь, конечно, шире Талиона; последний как раз ограничивает мечь, устанавливая стандарт ответа на причиненный ущерб и тем самым снимает мечь в

⁵Марк Чиксентмихан сообщает, как изумлен был Томас Торнтон (Thomas Thornton), автор восьмитомной «Истории Китая» (1844), узнав, что Золотое правило нашего Спасителя было высказано уже Конфуцием почти в тех же самых словах за четыре столетия до него [9, p. 157]. См. также [1].

⁶Строго говоря, все три нормативные формы представляют собой *принципы*, т.е. довольно общие регулятивы действия, более или менее детально конкретизирующиеся в правилах конкретных действий.

⁷Здесь и далее стихи из книг Библии приводятся в переводе под ред. М.П. Кулакова.

возмездии (наказании)⁸. Но как можно видеть по другим текстам (например, Пр. 24:29), любовь, выраженная в снисходительности и прощении, противопоставляется мести и как равному возмездию, т.е. в ее форме Талиона. Похожее на Лев. 19:18 противопоставление есть и в Нагорной проповеди, когда Иисус, говоря о нормах отношений между людьми, Талиону противопоставляет смирение и продолжает настояниями о щедрости, великодушии и милосердии, переходящими в заповедование любви к врагам – проклинающим, ненавидящим, обижающим, преследующим (Мф. 5:44) как основе личностного совершенства (Мф. 5:48).

Прямого противопоставления Золотого правила Талиону или сопоставления с ним мы не находим в книгах Библии, хотя оно реконструируется исследователями истории морали. Так, Альбрехт Диле подчеркивал, что «Золотое правило, как в его позитивной, так и в негативной формулировке, исходит из такого типа мышления, согласно которому межличностные отношения тогда морально хороши, когда они основаны на воздаянии – на балансе действия и ответного действия»; Золотое правило – результат обобщения принципа воздаяния [13, S. 80]. На противопоставлении Талиону выстраивал понятие Золотого правила Абдусалам Гусейнов [14, 80–83]. Но при другом указании на Заповедь любви в Книге Левит, когда она заповедуется в отношениях с переселенцами, ее непереносимость, в отличие от предыдущего случая, обосновывается, и характер этого обоснования представляет особый интерес, поскольку на уровне «фигур мышления» содержит в себе прямую переключку между Заповедью любви и Золотым правилом.

В предписании «Если будет жить рядом с тобой, в землях ваших, человек пришлый, не притесняйте его. Как относитесь вы к исконным израильтянам, так и к пришлому, живущему у вас, относитесь. Люби его, как самого себя, ведь и вы были когда-то чужаками в Египте» (Лев.19:33–34) утверждается непереносимость такого же отношения к пришлым, как к своим⁹. Но аргументация, сопровождающая это предписание, гораздо шире, и для понимания тенденций в развитии морального мышления это важно. Надо сказать, напоминания по разным поводам о пребывании в земле Египетской многократны (Исх. 22:21; 23:9; Втор. 5:14–15; 16:11; 16:14–16; 24:17–22; 27:19; Иер. 7:5–7), и всегда они служат обоснованием предписаний снисходительного отношения к другим. В стихе Лев.19:33–34 напоминанием о тяготах, перенесенных в Египте, заповедуется относиться к переселенцам так, как вы желали бы, чтобы относились к вам, окажись вы в таком же положении, как они. Это обоснование Заповеди любви основано на схеме мышления по типу Золотого правила, и такое мышление обнаруживается в условиях, когда никакое такое правило еще не было осмыслено и тем более вербально оформлено¹⁰.

Таким образом, мы видим, что в Пятикнижии Заповедь любви к ближнему в своей аутентичной формуле высказывается дважды, в рамках одной главы Книги Левит, в разных местах, но по родственным поводам, и в одном случае она противопоставлена мести, а в другом – она ничему не противопоставляется, но имеет обоснование, и это обоснование проводится по логике Золотого правила.

⁸ Требования Талиона, как мы видим по Исх. 21:22–26 или Втор. 19:16–21, исключительно строги. Но никак нельзя согласиться с тем, что Талион представляет собой наиболее суровую форму возмездия (см. [13, S. 19]): до установления Талиона смертельным мог быть ответ на любую обиду. Да и кровную месть следует рассматривать как социальный институт, в целом направленный на предотвращение вредоносных действий (Быт. 9:5–6).

⁹ Читая это, мы должны помнить, что речь идет не просто о пришлых, чужих, но о чужих, принявших иудаизм, и в этом смысле ставших своими. К реально чужим, т.е. врагам (неприятелю, агрессору, бунтовщикам, богохульникам, а также населению земель, назначенных Богом для народа Израиля), в Ветхом Завете предписывается крайне жестокое отношение. Одновременно в своей среде рекомендуется дифференцированный подход к благочестивым и грешникам: первым следует делать добро, а последним – нет (Сир. 12:4–5; Тов. 4:17). Так что распространение заповеди любви со своих на чужих, в смысле ставших своими переселенцев, не следует истолковывать в универсалистском духе. Любовь в Пятикнижии заповедуется лишь для определенно-го типа отношений; она отнюдь не всеобъемлюща.

¹⁰ Это не единственное в Пятикнижии, как и других книгах Библии, место, где демонстрируется образец такого типа мышления (см.: Быт 21:22–24; 26:26–31; Нав. 2:14–21; 1 Цар 20:8).

В книгах Библии мы находим и другие случаи сопряжения этих трех принципов, большинство из которых носят смысловой, контекстуальный характер. Например, требование «Не судите, и не будете судимы. Не осуждайте, и не будете осуждены» (Лк. 6:37) нередко воспринимается как особенное выражение Золотого правила, во всяком случае, как образец мышления по типу Золотого правила. В самом деле, согласно последнему, человеку не следует поступать по отношению к другим так, как он не хотел бы, чтобы другие поступали по отношению к нему. Никто не хочет быть осуждаемым другими, поэтому не следует осуждать других. Перед нами действительно мышление по типу Золотого правила¹¹. Это впечатление подтверждают и идущие следом наставления: «Прощайте, и будете прощены. Давайте, и вам будет дано...» (Лк. 6:37–38), которые могут быть истолкованы в духе позитивной (в отличие от предыдущего) формулы Золотого правила¹².

Но если мы примем во внимание лексическую форму этого требования, выраженного в Лк. 6:37, то заметим, что оно представляет собой предостережение и таит скрытую угрозу: стоит тебе начать судить других, как ты станешь предметом их суждений. Угроза же – это элемент мышления по типу Талиона; в угрозе возможности ответного поражающего действия – основа действенности Талиона, его решающая санкция. Между тем в Золотом правиле, с какой стороны мы его ни возьмем, места угрозе нет. Так как нам трактовать требование «Не судите, и не будете судимы» – тяготеет ли оно по типу мышления к Золотому правилу или к Талиону? Теологический ответ будет в пользу Золотого правила (что мы и видим в различных комментариях к соответствующему библейскому стиху), однако критическое нормативно-этическое рассмотрение этого требования приводит к выводу о неоднозначности его нормативной подоплеки, о пересечении в нем элементов Талиона и Золотого правила.

Задача сопоставления Золотого правила с Талионом и Заповедью любви осложняется тем, что нормативное содержание каждого из этих принципов, несмотря на наличие устоявшихся формулировок, внутренне динамично. Можно сказать, что у Талиона, в отличие от Заповеди любви и Золотого правила, нет обобщенной формулы, он вроде бы «рассыпан» по отдельным случаям. Хотя у Талиона как принципа равного возмездия нет универсальной обобщенной формулы, у него есть частично обобщенная формула: «Если человек нанесет телесное повреждение ближнему своему, с ним надо будет поступить так же, как он поступил» (Лев. 24:19). Она распространяется на действия, наносящие телесный вред, что и разъясняется в следом идущем стихе: «...перелом – за перелом, око – за око, зуб – за зуб», с подтверждением: «Как он изувечил человека, такое же увечье должно быть нанесено и ему» (Лев. 24:20). Наличие такого обобщения заслуживает внимания, поскольку в других случаях установления закона равного возмездия такого обобщения нет, превалирует тенденция к детализации подлежащих наказанию действий. Частичность предлагаемого обобщения хорошо осознается автором Книги Левит, поскольку дважды, до этих стихов и после, говорится о наказании за другие преступления – за убийство человека (Лев. 24:17, 21) и убийство скотины (Лев. 24:18, 21).

Обобщенную формулу Талиона дает А.А. Гусейнов: «Поступай по отношению к окружающим (чужим) так, как они поступают по отношению к тебе и твоим сородичам» [14, с. 65]. Строго говоря, это формула воздаяния вообще – как злом за зло, так и добром за добро (формула

¹¹В экзегетической традиции с заповедью «Не судите, да не судимы будете» соотносится притча о жестокосердном рабе (Мф. 18), истолковываемая как иллюстрация Золотого правила (в его негативной версии).

¹²Соответствующий стих в Евангелии от Матфея (7:1) в переводе М.П. Кулакова дан иначе: «Не осуждайте, чтобы и вас не осудил Бог» (при том, что перевод Лк. 6:1 сохранен в традиционной редакции). Слова «не осудил Бог» представляют собой интерпретационную вставку – в оригинале речь идет об осуждении вообще, что дает основание для разных истолкований этой заповеди. См.: [15, с. 182].

именно Талиона требует уточнения: «В ответ на причиненный ущерб поступай...»), но в более широком плане эта формула важна. В истории нравственности, какую бы культурную традицию мы ни взяли, такие обобщенные формулировки, насколько можно судить по специальной литературе, не встречаются. Так что она представляет теоретический интерес. Что касается правила позитивного воздаяния (благодарности), которое в истории нравственности не получило такой отчетливой формулировки, как обсуждаемые принципы, при том что благодарность всегда ценилась очень высоко, – оно в соотношении с Золотым правилом, как мы увидим, не менее значимо, чем правило негативного воздаяния (возмездия).

Нормативный спектр

Рассмотрим вкратце основные моменты нормативного спектра обсуждаемых принципов. На этом фоне яснее станут особенности предпринимаемой в данной статье контекстуализации Золотого правила.

Талион обычно ассоциируется с приведенными выше предписаниями из Пятикнижия отвечать возмездием на причиненный урон. Эти правила кажутся однозначными. По-видимому, они и были однозначными в глубокой древности. Однако и в Пятикнижии, и в особенности в остальных ветхозаветных книгах Библии различима по нарастающей тенденция к смягчению возмездного ответа и снисходительному замещению кары компенсацией. Эта тенденция широко обсуждается в литературе. Настолько широко, что порой возникает впечатление, что внимание к ней затмевает исходное нормативное содержание правил Талиона [16, р. 37–54]. Однако наличие этой тенденции несомненно, и оно указывает на то, что Талион, изначально сформировавшись как принцип возмездия, ограничивающий размер наказания степенью причиненного вреда, со временем трансформируется (по крайней мере в отношении определенного класса нарушений порядка) в принцип компенсации, прежде всего денежной. Причем размер компенсации устанавливался на основе переговоров между пострадавшей стороной и стороной обидчика и был, таким образом, результатом соглашения и компромисса. Со временем, а именно после Христа, Талион переосмысливается ранними христианскими мыслителями как принцип, предостерегающий от причинения другому вреда. В этом духе трактовал Талион К.С.Ф. Тертуллиан: возмездие за причиненный вред назначено Богом, чтобы его предупредить, но не для того, чтобы развязать руки для кары [17, с. 321–323]. Эту же мысль проводил Иоанн Златоуст [18, с. 254]. Понятно, что это поздняя в сравнении с эпохой формирования Талиона интерпретация, но она знаменовала переосмысление ветхозаветной этики. Классический Талион как принцип возмездия *характеризовался* тем, что им регулировались реактивные действия. Подталионные реактивные действия были направлены на наказание нарушителя порядка (или тех, кто был вправе ответить за него). Как принцип возмездия Талион был направлен не только на восстановление поправленной справедливости, но и соблюдение справедливости в наказании нарушителя. Посредством христианского толкования Талион нормативно переоснащался – он трансформировался в принцип предосторожности – принцип инициативного действия. И, соответственно, Талион оказывался вовлеченным в орбиту Золотого правила.

Такое вовлечение вполне возможно, потому что по некоторым параметрам Талион и Золотое правило внутренне изоморфны. Более того, как я попытался показать в давней статье, при определенной перемене взгляда на принципы воздаяния (возмездия и благодарности), а они являются принципами *реактивных* действий, и конструировании их коррелятов для *инициативных* действий мы при некоторой последовательности мысли приходим к формулиров-

кам Золотого правила: от Талиона – к негативной версии Золотого правила¹³ и от благодарности – к позитивной. Возможность такого нормативного исчисления свидетельствует о тесной сопряженности Золотого правила и принципа воздаяния [19, с. 73–78].

Сопряженность Золотого правила и Талиона обнаруживается и косвенно – в сюжетах, включающих в себе образцы мышления в духе Золотого правила. Речь идет о нарративах, в которых человеческие отношения нормативно никак не регламентированы, но их описание достаточно для реконструкции их гипотетической нормативной подоплеки. Такая реконструкция возможна при наличии понятий соответствующих нормативных форм. Выше были приведены некоторые характеристики Талиона, репрезентирующие в основных чертах этот концепт. Аналогично можно представить Золотое правило. Как мне уже доводилось писать об этом в других работах, *Золотое правило* – это принцип инициативного действия. Он предполагает самостоятельного агента, действующего намеренно и рефлексивно, задающего своим действием пример, надлежащий к воспроизведению. Это действие мыслится как потенциально взаимное, хотя бы в том смысле, что в своих мотивах деятель ставит себя в зависимость от возможных разумных мотивов других. И это действие благое, поскольку основание поступка – то, что человек сам себе желает, а желать себе плохого человек не может [20, с. 16]. Благодаря тому, что деятель поступает по «мерке», которую ожидает в действиях других, в его поступке преодолевается эгоцентричность и открывается возможность для гармонизации диспозиций участников ситуации в отношении друг к другу. Эти характеристики Золотого правила выделены в результате анализа его формулы (наиболее развитую версию которой представляет стих Мф. 7:12), различных контекстов высказывания Золотого правила в канонических текстах, а также обсуждения этой формулы в трудах философов и теологов.

Понятие Золотого правила оказывается тем методологическим ключом, с помощью которого оказывается возможным выявлять мышление в духе Золотого правила, т.е. мышление, в котором отражены названные характеристики (порой только некоторые, не всегда в развитой форме) при отсутствии самого правила, более того, при отсутствии обобщенного нормативного мышления.

В книгах Библии мышление в духе Золотого правила встречается не раз, причем задолго до появления даже рудиментарных его форм. Наиболее ранние из примеров этого ряда – эпизоды соглашения филистимлянского царя Авимелеха с Авраамом и Исааком в Книге Бытия (21:22–24,27; 26:26–31), повествующие об успешных попытках царя в ситуациях возможного конфликта договориться с Авраамом и Исааком о мире и благоволении. В обоих случаях Авимелех призывает Авраама и Исаака принести клятву в том, что впредь они не совершат в отношении его и его потомства ничего дурного и будут так же добры с ним и его страной, как он сам был добр с ними. На первый взгляд мы имеем сделку по типу «Дашь на дашь». Но так это выглядит на уровне конкретной коммуникативной ситуации, у которой, как в одном случае, так и в другом, есть предыстория, которая предъясняется Авимелехом, а именно его предшествующие добрые дела. В контексте эпизода в целом мы можем представить, что Авимелех в недалеком прошлом проявлял по своей инициативе, не думая о взаимности, благожелательность и, имея ее в виду, может заявить Аврааму и Исааку, чего он ждет теперь от них по отношению к себе. Отметим, что предшествующее предложению договора поведение Авимелеха инициативно, благожелательно, прецедентно, в перспективе предполагает взаимность, это предположение подтверждается принятием другой стороной предложения догово-

¹³Отсюда неверно было бы делать вывод о том, что исторически Золотое правило формируется на основе Талиона. Как показывает анализ текстов различных древних культурных традиций, Золотое правило складывается в процессе переосмысления отношений взаимности как таковых (разновидностью которых по-разному являются как Золотое правило, так и Талион) – на основе разнообразного опыта обмена, партнерства, взаимопомощи, компромиссов в разрешении конфликтов и т.д. Золотое правило и тем более мышление в духе Золотого правила встречается и в тех культурах, нормативное мышление которых не дошло до канонизации принципа равного возмездия и справедливость наказания определялась по другим критериям.

ра, и в рамках ситуации договорное предложение вдохновлено благоговением перед Богом. Все это вместе взятое представляют нам картину мышления и отношений в духе Золотого правила, более того, в духе ее позитивной версии.

Аналогичный сюжет мы находим в истории ханаанки Раав, сговорившейся с лазутчиками вражеской армии Иисуса Навина о взаимопомощи. Остановившихся в ее доме лазутчиков Раав по собственной инициативе укрывает от направленных на их поиски гвардейцев царя. Когда опасность миновала, Раав выходит к ним и, признав правоту их дела (по покорению Ханаана), требует от них клятвы в том, что как она сделала им добро, так и они сделают добро ей и ее семейству. На что лазутчики соглашаются. Опять-таки на поверхности сюжета здесь та же сделка по обмену услугами. Но Раав спасает лазутчиков инициативно, до помышления о какой-либо сделке, принимая одностороннее решение, не имея никаких гарантий возможной благодарности. Иными словами, она поступает так, как хотела бы, чтобы поступили по отношению к ней (в соответствии с ее ожиданиями). Диспозиция Раав в единстве с последующей договоренностью также представляет нам картину в духе Золотого правила.

Но все эти сюжеты, легко поддающиеся интерпретации в духе Золотого правила, несмотря на то, что на поверхности просматриваются иные принципы – принцип благоразумия и взаимопользования, – имеют в качестве архетипа сквозной для Ветхого Завета мотив Завета Бога с евреями. В основе Завета любовь Бога – изначальная и беспредпосылочная. С ней коррелирует Заповедь любви к ближнему, которая, как уже отчасти можно было видеть по сказанному выше, простирается от любви к ближнему как близкому через любовь к ближнему, который считается (или кажется) чужим, к любви к ближнему, который актуально является врагом, т.е. тем, кто угрожает причинением зла в любой форме. Но в любовно-милосердном отношении к ближнему человек призван уподобить себя Богу, и такова основа для всех проявлений этого нормативного феномена. Бог же с самого начала являет себя человеку в любви (Исх. 34:6–7; Ос 11:4; Ин. 13:34, 15:8,12). Бог уверяет человека в своей любви, которая еще проявит себя в том, что евреям определены в будущем лучшие земли, но которая уже дана в том, что евреи названы избранным народом. За проявленное благорасположение и обещанную заботу от них требуется всецелое благоговение, практически удостоверяемое в исполнении данных Богом законов. Любовь Бога, как она описывается в Ветхом Завете, представляется совершенным воплощением любви, несмотря на то, что в ряде своих проявлений она имеет черты человеческой любви (мужа к жене, отца к детям), а со стороны людей предполагает установки на пруденциальное и прагматическое взаимодействие. Однако мотивационная схема, которая прочитывается в действиях Бога, такова, что она органично поддается интерпретации в духе Золотого правила.

Нормативный спектр Золотого правила в значительной мере прослеживается в двух формулах этого принципа – негативной и позитивной¹⁴. В книгах Библии, условно говоря, переход от негативной формулы (Тов. 4:15; Деян. 15:29) к позитивной (Мф. 7:12; Лк. 6:31) никак не рефлексирован и не поддается реконструкции. Выше отмечалось, что посредством логических ухищрений можно от Талиона прийти к негативной формуле Золотого правила, а от благодарности – к позитивной. Но в более поздней мысли наличие негативной и позитивной формул Золотого правила и без этих логико-нормативных домысливаний иногда получало содержательную интерпретацию. Например, немецкий юрист и философ Иоганн Готтлиб Гейнекциус (1681–1741) различал две «степени любви» – любовь к справедливости и любовь к человечности и благодетелью. При этом основой любви как справедливости у него оказывает-

¹⁴Мы оставляем за скобками обсуждаемые в литературе вариации Золотого правила: «Желай другим того, что себе желаешь», «Поступай сообразно тому, что одобряешь в других», «Не жди от других того, чего сам не делаешь» и т.д., которые нуждаются в дополнительной аналитической квалификации в контексте дискурса этого принципа.

ся негативная формула Золотого правила, а основой любви как человечности – позитивная версия Золотого правила [7, S. 167]. Уместно в связи с этим вспомнить, что Владимир Соловьев рассматривал обе формулировки как отдельные выражения принципа альтруизма: в негативной формулировке он видел правило справедливости, а в позитивной – правило милосердия [21, с. 168]. Ссылками на Гейнексиуса и Соловьева мы выходим далеко за рамки рассматриваемой нормативной традиции, но эти примеры Золотого правила из поздней истории мысли свидетельствуют о «тяготении» Золотого правила как к справедливости, одним из нормативных выражений которой является Талион, так и к милосердию, совершенным нормативным выражением которой является Заповедь любви.

Нормативно-регулятивные характеристики

Джойс Герцлер, американский социолог и историк культуры, в поворотной для своего времени статье, в которой впервые была показана с опорой на разносторонний историко-культурный материал общераспространенность Золотого правила, отмечал, что Золотое правило и Заповедь любви «очень тесно связаны; их практический смысл, по сути, один и тот же. Оба [принципа] основываются в основном на любви к себе и требуют такого поведения по отношению к другим, которое соответствует тому, что индивид считает хорошим или желательным для себя» [1, р. 418]. Сближение, а то и отождествление этих двух принципов весьма распространено. Оно задается библейской экзегетикой, но прежде и словами самого Иисуса в Евангелии от Матфея, где предъявление Золотого правила и Заповеди любви подкрепляется словами о том, что в этом – суть и основа всех законов и пророков (Мф. 7:12; 22:40). В содержательно-нормативном отношении эти принципы действительно близки. Однако в логике и «механике» действия между этими принципами есть различия, и некоторые из них существенны. Более глубокие различия между ними и Талионом. Однако в противостоянии Талиону Золотое правило в чем-то схоже с Заповедью любви, а в чем-то отлично от него.

Сопоставим эти принципы по тем же параметрам, по которым выше были выделены основные характеристики Золотого правила.

Как и Золотое правило, Заповедь любви – это принцип инициативного действия, и с этой точки зрения они противостоят Талиону как принципу реактивного действия. Реинтерпретации Талиона как принципа предосторожности, предупреждающего о вероятности негативного ответного действия и вызывающего к благоразумию, ведут к переосмыслению Талиона. Последнее обнаруживается в отступлении от смысла принципа, призванного, как можно видеть по многим стихам книг Ветхого Завета, наряду с сохранением баланса между конфликтующими людьми, внутри общины и в отношениях с чужими, поддерживать внутри общины нравственную чистоту, а ей угрожает любое ненаказанное преступление (Втор. 19:13; 21:20). Так что предостережения от возможного ответного негативного действия правильнее было бы рассматривать как переходную форму от Талиона к принципу инициативного действия в духе этики благоразумия. И это хорошо можно видеть по текстам, в которых пруденциальное мышление занимает важные позиции, например «Повесть об Ахикаре» или «Книга Товита».

Как и Золотое правило, Заповедь любви имеет в виду самостоятельного деятеля, чьи поступки – результат его собственного выбора. Обычно самостоятельность выделяется с тем, чтобы противопоставить эти принципы Талиону, который, стало быть, мыслится как принцип действия, в осуществлении которого деятель оказывается зависимым от действия, совершенного в его адрес другими. Во многом Талион таким и является, в особенности в наиболее архаической версии, призывающей к полностью соразмерному ответу на вредоносные действия.

Как указывает Диле, например, для древнегреческого сознания сама необходимость воздаяния рассматривалась как фактор несвободы действия [13, S. 61]. Однако в версии принципа компенсации Талион предполагает переговоры о размере компенсации, и тем самым допускает самостоятельность деятеля, тем более если речь идет о деятеле, вступающем в переговоры в силу убеждения в том, что конфликты должны разрешаться, причем разрешаться максимально конструктивным для общины образом. Везде, где Талион был признан, он, в отличие от двух других принципов, со временем кодифицировался в правовых установлениях. Но, не будучи кодифицированным, он предназначался для исполнения не только судьям, но и индивидуальным членам общества. Сам по себе факт предъявления нормы свидетельствует о допущении хотя бы минимальной самостоятельности принимающих решения деятелей. Иначе должны были бы иметь место предупреждения относительно того, что отказ от возмездия сам становится предметом для кары, а этого мы в книгах Ветхого Завета не встречаем.

От Золотого правила Заповедь любви отличает то, что она не предполагает взаимности. Заботливое и милосердное отношение к другому принципиально бескорыстно и не ориентируется на возможную благодарность или компенсацию. Вместе с тем взаимность – это то, что сближает с Золотым правилом Талион. Взаимность Золотого правила и Талиона различны по своей природе: отношения по стандарту Талиона строятся на актуальной и прямой взаимности, в то время как отношения по стандарту Золотого правила строятся на потенциальной, воображаемой, гипотетической взаимности. Золотое правило направляет на действия как бы взаимные; в реальности это могут быть односторонние действия. В отличие от Талиона, взаимность, предполагаемая Золотым правилом, не является непременным условием совершения действия. Как предполагающие взаимность действий Золотое правило и Талион противостоят Заповеди любви, предполагающей односторонность действия.

Разная природа взаимности в Золотом правиле и Талионе отражается и на характере совершаемого действия. В Талионе действие носит ответный характер; совершая его, деятель ориентируется на исполненный в отношении его поступок. В Золотом правиле действие инициативно, и его совершением деятель, демонстрируя, что он считает наиболее уместным, если не сказать наилучшим, как бы задает пример действий, совершаемых по отношению к нему.

Во всех трех принципах отношение к другому основано на отношении человека к самому себе: последнее предстает в качестве стандарта отношения к другому. Но внутри этого сходства обнаруживаются существенные различия. Как и Золотое правило, Заповедь любви задает гетероцентричную ориентацию. Оба принципа ориентируют на другого человека, его благо. Эта ориентация происходит по-разному: в Золотом правиле человеку предписано исходить из самого себя, своего понимания блага, в предположении, что это может подойти и другому, в Заповеди любви человеку предписано исходить из себя, но в христианской версии этого принципа человеку надлежит ориентироваться в первую очередь на высшее начало, на Бога, и в милосердии к ближнему стремиться быть совершенным, стать подобным Богу (Лк 6:36; Ин 15:12). В ориентации на другого человек, руководствующийся Заповедью любви или Золотым правилом, преодолевает свой эгоцентризм. Талион может оставлять впечатление ориентации на другого. Однако сами действия, им задаваемые, не гетероцентричны, они эгоцентричны: обращенные на другого, они совершаются для самоутверждения, для ответа на причиненную обиду.

Согласно одному из наиболее известных изречений Конфуция, на зло недопустимо отвечать добром – «на зло отвечают по справедливости» [22, с. 213]. Но в разных обществах – разные стандарты справедливости. Талион – принцип уравнивающей справедливости: он требует отвечать на зло соразмерным злом. Золотое правило и Заповедь любви – принципы ини-

циативного действия, и сами по себе они не устанавливают стандарт реактивного действия. В рамках христианской этики эти принципы дополнены принципом непротивления злу, непосредственно противопоставленным принципу Талиона (Мф. 6:37–38).

***

В рамках иудео-христианской традиции как она представлена в книгах Библии, Золотое правило нормативно и контекстуально тесно связано с Талионом и Заповедью любви. Они по-разному отражают ценностное содержание морали, и мы видели, что на разных стадиях развития нормативной культуры их ценностно-императивное значение менялось, они по-разному оценивались. Талион ограничивает меру ответного зла, которым допустимо отвечать на зло со стороны другого, и в этом состоит его ключевое нравственное значение. Золотое правило устанавливает благожелательную взаимность во всех отношениях к другому и определяет источник стандарта, по которому надо относиться к другому. Заповедь любви указывает на необходимость заботливого и любовного отношения к другому. С учетом некоторых расширений и дополнений, отмечавшихся выше, эти три принципа образуют первичное нормативное содержание морали в части отношения человека к другому. Это и составляет нормативный контекст Золотого правила, как мы его знаем из иудео-христианской традиции.

Список литературы

1. Hertzler J.O. On Golden Rules // *International Journal of Ethics*. – 1934. – Vol. 44, no. 4. – P. 418–436.
2. Rost H.T.D. *The Golden Rule: A Universal Ethic*. – Oxford, England: George Ronald, 1986. – 196 p.
3. Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Кант И. Соч. на нем. и рус. яз. / под. ред. Б. Тушлинга и Н.В. Мотрошиловой. Т. III. / подг. к изд. Соловьевым, А. Судаковым, Б. Тушлингом, У. Фогелем. – М.: Московский философский фонд, 1997. – С. 39–275.
4. Уотлз Дж. Золотое правило / общ. ред. и предисл. А.А. Гусейнова, пер. и доп. прим. О.В. Артемьевой. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016. – 346 с.
5. Duxbury N. Golden Rule Reasoning, Moral Judgement and Law // *Notre Dame Law Review*. – 2009. – Vol. 84, no. 4. – P. 1529–1605.
6. Du Roy O. *La règle d'or: histoire d'un maxime morale universelle*. Vol. 1: De Confucius à la fin du XIXe siècle. – Paris, Les Éditions du Cerf, 2012. – 901 p.; vol. 2: Le XXe siècle et essai d'interprétation. – Paris, Les Éditions du Cerf, 2012. – 600 p.
7. Hruschka J. Die Goldene Regel in der Aufklärung – die Geschichte einer Idee // *Jahrbuch für Recht und Ethik. Annual Review of Law and Ethics*. – 2004. – Vol. 12, Themenschwerpunkt: Zur Entwicklungsgeschichte moralischer Grundsätze in der Philosophie der Aufklärung. The Development of Moral First Principles in the Philosophy of the Enlightenment. – S. 157–172.
8. Hare R. *Essays on the Moral Concepts*. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1972. – P. 39–54.
9. Csikszentmihalyi M.A. The Golden Rule in Confucianism // *The Golden Rule in World Religions* / eds. J. Neusner, B. Chilton. – London: Continuum, 2008. – P. 157–169.
10. Camfield B. *A Profitable Enquiry into that Comprehensive Rule of Righteousness, Do As You Would Be Done By: Being a Practical Discourse on S. Matt. vii, 12*. – London: Printed by A.C. for H. Eversden, 1671. – 236 p.
11. Reiner H. Die “Goldene Regel”: Die Bedeutung einer ersittlichen Grundformel der Menschheit // *Zeitschrift für Philosophische Forschung*. – 1948. – Bd. 3. – H. 1. – S. 74–105.

12. Schulz H. Die Goldene Regel Versuch einer prinzipiellen thischen Rehabilitierung // *Zeitschrift für Evangelische Ethik*. – 2014. – Bd. 47. – H. 1. – S. 193–209.
13. Dihle A. Die goldene Regel: Eine Einführung in die Geschichte der antiken und frühchristlichen Vulgarethik. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1962. – 136 s.
14. Гусейнов А.А. Социальная природа нравственности. – М.: Изд-во МГУ, 1974. – 157 с.
15. Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: в 7 т. / под ред. А.П. Лопухина. – 4-е изд. – Т. VI: Четвероевангелие. – М.: Дарь, 2009. – 1232 с.
16. Davis J.F. Lex Talionis in Early Judaism and the Exhortation of Jesus in Matthew 5.38–42. – London: T & T Clark International, 2005. – 192 p.
17. Тертуллиан К.С.Ф. Против Маркиона в пяти книгах / пер. с лат., вступ. ст. и ком. А.Ю. Братухина. – СПб.: Издательство Олега Абышко; Университетская книга, 2010. – 576 с.
18. Иоанн Златоуст. Священное Писание в толкованиях святителя Иоанна Златоуста. Т. IV. Кн. 1: Толкование на Евангелие от Матфея. – М.: Ковчег, 2006. – 624 с.
19. Апресян Р.Г. Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов // *Вопросы философии*. – 2001. – № 3. – С. 72–84.
20. Августин. О Граде Божиим // Августин Блаженный. Творения. Т. IV / сост. и подг. текста к печати С.И. Еремеева. – СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. – 587 с.
21. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 1 / сост., общ. ред. А.Ф. Loseva, A.V. Gulyga. – М.: Мысль, 1988. – С. 47–580.
22. Лунь Юй // Конфуцианское четверокнижие (Сы Шу) / пер. и вступ. ст. Л.С. Переломова. – М.: Восточная литература, 2004. – С. 151–238.

References

1. Hertzler J.O. On Golden Rules. *International Journal of Ethics*, 1934, vol. 44, no. 4, pp. 418–436.
2. Rost H.T.D. The Golden Rule: A Universal Ethic. Oxford, George Ronald, 1986, 196 p.
3. Kant I. Osnovopolozheniia k metafizike npravov [Groundwork of the Metaphysics of Morals]. Sochineniia na nemetskom i russkom iazykakh. Eds. B. Tushling, N.V. Motroshilova. Moscow, Moskovskii filosofskii fond, 1997, vol III, pp. 39–275.
4. Wattles J. Zolotoe pravilo [The Golden Rule]. Eds. A.A. Guseinov, O.V. Artemieva. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovani, 2016, 346 p.
5. Duxbury N. Golden Rule Reasoning, Moral Judgement and Law. *Notre Dame Law Review*, 2009, vol. 84, no. 4, pp. 1529–1605.
6. Du Roy O. La règle d'or: histoire d'une maxime morale universelle. Vol. 1: De Confucius à la fin du XIXe siècle. Paris, Les Éditions du Cerf, 2012, vol. 1, 2901 p. Le XXe siècle et essai d'interprétation. Paris, Les Éditions du Cerf, 2012, 600 p.
7. Hruschka J. Die Goldene Regel in der Aufklärung – die Geschichte einer Idee. *Jahrbuch für Recht und Ethik. Annual Review of Law and Ethics*, 2004, vol. 12, Themenschwerpunkt: Zur Entwicklungsgeschichte moralischer Grundsätze in der Philosophie der Aufklärung. The Development of Moral First Principles in the Philosophy of the Enlightenment, pp. 157–172.
8. Hare R. Essays on the Moral Concepts. Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1972, pp. 39–54.
9. Csikszentmihalyi M.A. The Golden Rule in Confucianism. *The Golden Rule in World Religions*. Eds. J. Neuser, B. Chilton. London, Continuum, 2008, pp. 157–169.
10. Camfield B. A Profitable Enquiry into that Comprehensive Rule of Righteousness, Do As You Would Be Done By: Being a Practical Discourse on S. Matt. vii, 12. London, Printed by A.C. for H. Eversden, 1671, 236 p.
11. Reiner H. Die "Goldene Regel": Die Bedeutung einer sittlichen Grundformel der Menschheit. *Zeitschrift für philosophische Forschung*, 1948, bd. 3, h. 1, pp. 74–105.
12. Schulz H. Die Goldene Regel Versuch einer prinzipienethischen Rehabilitierung. *Zeitschrift für Evangelische Ethik*, 2014, bd. 47, h. 1, pp. 193–209.
13. Dihle A. Die goldene Regel: Eine Einführung in die Geschichte der antiken und frühchristlichen Vulgarethik. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1962, 136 p.
14. Guseinov A.A. Sotsial'naiia priroda npravstvennosti [The social nature of morality]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi universitet, 1974, 157 p.
15. Tolkovaia Bibliia, ili Kommentarii na vse knigi Sv. Pisaniia Vetkhogo i Novogo Zaveta [The Explanatory Bible, or Commentaries on All the Books of the Holy Scripture]. Chetveroevangelie. Ed. A.P. Lopukhin. Moscow, Dar', 2009, vol. 7, 1232 p.
16. Davis J.F. Lex Talionis in Early Judaism and the Exhortation of Jesus in Matthew 5.38–42. London, T&T Clark International, 2005, 192 p.
17. Tertullian K.S.F. Protiv Markiona v piati knigakh [Adversus Marcionem, in 5 books. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko; Universitetskaia kniga, 2010, 576 p.
18. Zlatoust. Sviashchennoe Pisanie v tolkovaniakh sviatitelia Ioanna Zlatoustia [Holy Scripture as interpreted by St. John Chrysostom]. *Tolkovanie na Evangelie ot Matfeia*. Moscow, Kovcheg Publ, 2006, vol. 4, book 1, 624 p.
19. Апресян Р.Г. Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов [Talion and the golden rule: a critical analysis of associated contexts]. *Problems of Philosophy*, 2001, no 3, pp. 72–84.
20. Augustine. O Grade Bozhiem [On the city of God]. Tvoreniia. Ed. S.I. Eremeev. Saint Petersburg, Aleteia; Kiev, UTsIMM-Press, 1998, vol. 4, 587 p.
21. Solov'ev V.S. Opravdanie dobra [Justification of the good]. Eds. A.F. Losev, A.V. Gulyga. Moscow, Mysl', 1988, vol. 1, pp. 47–580.
22. Lun' lui. Konfucianskoe chetveroknizhie [The four books of Confucianism]. Eds. L.S. Perelomov. Moscow, Vostochnaia literatura, RAN, 2004, pp. 151–238.